

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АКТУАЛЬНЫЕ
ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОСТИ

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ
И ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

—
языковый менеджмент

—
языковая политика

Книга III

Издательский Дом ЯСК
Москва 2017

УДК 39

ББК 63.5

А 43

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
Проект № 17-04-16151, не подлежит продаже

Ответственный редактор:
д. филол. н. Г. П. Нещименко

А 43 Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация — языковой менеджмент — языковая политика. Книга III / Отв. ред. Г. П. Нещименко — М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. — 528 с. (Studia philologica).

ISBN 978-5-9500226-7-8

Книга продолжает многолетнюю традицию создания комплексных интердисциплинарных трудов, начало которой было положено публикацией монографии «Язык — Культура — Этнос» (Москва, 1994). В создании данного труда участвовали представители разных международных исследовательских школ и направлений. В монографии рассматривается широкий спектр остроактуальных вопросов современности, в их числе проблематика этноязыковой и этнокультурной ситуации, языковой политики и конфликтологии, моноэтничного и полиглottического бытования социума. Впервые вводится в поле зрения проблема языкового менеджмента, имеющая большую исследовательскую перспективу. В преемственности с предыдущими публикациями рассматриваются новые информационные технологии как средство внутриэтнической и межэтнической коммуникации. Книга предназначается для широкой читательской аудитории, научных работников разного профиля и специализации, преподавателей, студентов и аспирантов.

ISBN 978-5-9500226-7-8

9 785950 022678 >

УДК 39
ББК 63.5

© Издательский Дом ЯСК, 2017
© Авторы, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 9

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Нещименко Г. П. (Россия)

Языковая политика в контексте исторических традиций
и новых коммуникативных технологий. 15

Мразкова К. (Чехия)

Описание языковой ситуации как отправная точка
стилистической классификации языковых средств 69

Йилкова Л. (Чехия)

Лингвистический анализ телепередач
как пример организованного языкового менеджмента 85

Гоффманнова Я. (Чехия)

Устный чешский язык в речи
с высшими коммуникативными целями 93

Корженский Я. (Чехия)

Идеологические и историографические различия
в современной интерпретации
теории национального и литературного языка
в современной Чешской Республике 109

Артеменко О. И., Кузьмин М. Н. (Россия)

Современная языковая образовательная политика
и языковая ситуация в России 117

ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ КАК ОТПРАВНАЯ ТОЧКА СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ*

1. Введение

В своей статье я хотела бы представить подход к описанию чешской языковой ситуации и выведенную из него классификацию языковых средств; речь идет о концепции, которую мы разработали совместно с Иржи Гомолачем и подробно представили в статье *K stylistickému hodnocení jazykových prostředků zvláště lexikálních*. Изначальная концепция разрабатывалась с учетом ее возможного использования при составлении нового толкового словаря современного чешского языка, вследствие чего мы сосредоточили свое внимание на лексических средствах. Тем не менее предлагаемая модель носит настолько общий характер, что, на мой взгляд, ее можно также использовать для классификации средств, относящихся к другим уровням языка, например, к синтаксису.

2. Существующее лингвистическое описание языковой ситуации чешского языка

Описания чешской языковой ситуации, как правило, так или иначе базируются на работах Б. Гавранека, хотя сам он не пользовался термином «языковая ситуация» и его модель функциональной дифференциации была направлена только на область литературного языка.

* Статья была написана в рамках выполнения гранта н. 15-01116S «Синтаксис чешского устного языка».

Одной из функций литературного языка Гавранек (1932) считал коммуникативную функцию, к которой он отнес функциональный разговорный язык, то есть Гавранек полагал, что этот функциональный вариант все равно является разновидностью литературного языка. Наряду с этим он отдавал себе отчет в том, что образованные слои общества используют в рамках коммуникативной функции в том числе и просторечный язык, то есть интердиалект или диалекты. В других своих работах Гавранек (1942) разработал понятие разговорного чешского языка как функционального слоя литературного языка. По мнению Гавранека, этот слой по своей структуре отличается от остальных слоев и является родным языком для определенной части чехов. Понятием разговорного чешского языка как варианта литературного языка более глубоко занимался в первую очередь Я. Белич, однако начиная как минимум с восемидесятых годов существование этого языкового пласта в качестве структурного варианта ставится под сомнение.

В описаниях чешской языковой ситуации важную роль также играет понятие обиходно-разговорного чешского языка (*obecná čeština*). В своем описании наречий чешского языка в книге «Чехословацкое краеведение» (*Československá vlastiveda*) Havránek определяет его как интердиалект Чехии, характеризующийся в первую очередь фонологической системой, а также допускает существование и непрерывное развитие других интердиалектов. Полемика в шестидесятых годах, вызванная работой П. Сгалла, которая была опубликована в «Вопросах языкоznания» (1960), привела, помимо прочего, к расширению понятия обиходно-разговорного языка или, точнее говоря, к усилению его амбивалентности. Во-первых, Сгалл предположил, что обиходно-разговорный чешский язык распространяется и будет продолжать распространяться в моравском регионе, то есть расширяться с географической точки зрения, а во-вторых, что это распространение будет также носить вертикальный характер — в стилистически более высокие слои национального языка, в результате чего обиходно-разговорный чешский язык и литературный чешский язык, точнее, его разговорная форма, будут постепенно сближаться. Таким образом, в дискуссиях о чешской языковой ситуации понятие «обиходно-разговорный чешский язык» может означать как минимум две разные вещи: интердиалект Чехии и общенациональный нелитературный слой языка. Данная амбивалентность в том числе нашла свое отражение, например, в *Словаре литературного чешского языка*, работа над составлением которого велась с шестидесятого по семьдесят пер-

вый год и который до сих пор остается непревзойденным по спектру охвата чешской лексики. Ярлыком «обиходно-разговорных» в нем помечены лексемы, относящиеся к общенациональному узусу, зачастую экспрессивные выражения, например, *babrat se, tlustoch, šmodrchat*, германизмы или слова, заимствованные из немецкого языка, например, *kšeft, fabrika, špitál*, универбаты — *tancovačka, sanitka, knihařina*, однако наряду с ними в такую же категорию «обиходно-разговорных» слов входят формальные варианты, которые являются обиходно-разговорными регионализмами и обладают морфонологическими чертами, характерными именно для интердиалекта Чехии: *tejden, blejskat se, tejrat*, из словообразовательных вариантов, например, I-причастие типа *trknul, blafnul*.

3. Базовые коммуникативные области как отправная точка для описания языковой ситуации

3.1. Определение базовых коммуникативных областей

В модели, которую я хочу представить, мы исходим из традиций чешской лингвистики именно в том отношении, что в рамках этой модели мы оперируем такими понятиями, как коммуникативная функция, функция коммуниката, стилеобразующий фактор и коммуникативная цель. В отличие от вышеуказанных подходов и концепций мы не будем касаться вариантов, обусловленных структурой, новым в нашем исследовании чешской языковой ситуации также является то, что в его рамках мы применяем принципы теории языкового менеджмента.

Под чешской языковой ситуацией мы подразумеваем совокупность всех коммуникативных ситуаций, в которых принимают участие субъекты, говорящие на чешском языке. Данную ситуацию можно классифицировать на основании разных факторов и их комбинаций, а посредством такого членения по идеи возможно классифицировать любое языковое средство в зависимости от того, в какой коммуникативной сфере или сферах оно, как правило, используется. В качестве главной мы считаем членение чешской языковой ситуации на две базовые коммуникативные области: (а) область бытового общения и (б) область реализации высших коммуникативных целей. С подобной классификацией работали, например, словацкий языковед Ян Финдра (1991), а также профессор Г. Нещименко (1999). Финдра выделяет сферу общесоциального общения и сферу бытового общения в каче-

стве двух основных коммуникативных сфер, Нещименко дифференцирует «ареал высших коммуникативных функций» и «ареал непринужденного общения».

Коммуникативные области мы выделяем в первую очередь не на основании используемых в их рамках языковых средств (это привело бы к тому, что мы бы бегали по кругу), а на основании их соотношения со сферами социальной жизни (например, семья или наука) и с реализуемыми посредством них коммуникативными целями. В коммуникативной области бытового общения дискурс служит для простой передачи информации. В коммуникативной области реализации высших коммуникативных целей говорящие реализуют более престижные и(ли) более сложные и(ли) более трудоемкие коммуникативные цели или хотя бы ассоциируют существование этой сферы с реализацией именно таких целей. В качестве примера коммуникативной цели в области бытового общения можно привести, скажем, договоренность, кто заберет ребенка из детсада, в области реализации высших коммуникативных целей — например, заполнение заявления на официальном бланке.

3.2. Характеристика базовых коммуникативных областей

Базовые коммуникативные области также характеризуются их отношением к социальным сферам, стилеобразующими факторами, которые находят себе применение в их рамках, а также тем, какую роль в них играют отдельные виды языкового менеджмента, проще говоря, обращение с языком и с текстами.

3.2.1. Социальные сферы

Членение социального мира на отдельные сферы и их определение относительно друг друга — очень сложная задача. В нашей модели мы работаем с социальными сферами, типичными для социологии: административный сектор, масс-медиа, высокая и массовая культура, политика, работа, право, семья, наука, досуг, образование и другие. С коммуникативной и лингвистической точки зрения важно то, что каждая сфера характеризуется определенным соотношением языкового и неязыкового общения и определенным соотношением реализации высших коммуникативных целей и бытового общения. Это означает, что социальные сферы не перекрываются с коммуникативными областями. В некоторых социальных сферах преобладает бытовое общение (в семье, на досуге), в некоторых — реализация высших ком-

муникативных целей (например, в области права и науки). Разумеется, это не значит, что любой дискурс, например, в социальной сфере науки или дискурс на научную тему, выполняет высшую коммуникативную функцию: разговор двух ученых за обедом о рабочих моментах или разговор двух обывателей на специализированную тему, как правило, не являются дискурсом с высшей коммуникативной функцией.

Бытовое общение доминирует в таких социальных сферах, как семья и досуг, однако коммуникативные ситуации бытового общения в той или иной степени встречаются, должно быть, во всех социальных сферах: в их число входит коммуникация, связанная с решением каждого-дневных бытовых вопросов, фатические разговоры с коллегами на рабочем месте и с незнакомыми людьми и т. д. К сфере работы в области бытового общения относятся практически направленные рабочие разговоры.

Высшие коммуникативные цели, как правило, реализуются в таких социальных сферах, как наука, высокая и массовая культура, политика и административный сектор, право, воспитание и образование, религия.

3.2.2. Стилеобразующие факторы

Базовые коммуникативные области можно охарактеризовать некоторыми объективными стилеобразующими факторами, влияние которых на выбор языковых средств мы расцениваем как постоянное и немаловажное, — в их число входит модус языка дискурса, то есть выбор между устным или письменным кодом, подготовленность, официальность и публичный характер коммуникации.

Устный или письменный характер дискурса прежде всего воспринимается с субстанциальной или медиальной точки зрения: устные коммуникаты реализуются посредством вокально-акустического канала, письменные — при помощи графическо-визуального. Наряду с этим устный и письменный дискурс может также восприниматься концептуально, то есть как совокупность определенных свойств, находящаяся под влиянием условий, которые свойственны, например, для устного сообщения и которые, однако, могут существовать независимо от собственной субстанции или средства выражения. Примером субстанциально устного, но концептуально письменного коммуниката является торжественная речь, в качестве примера субстанциально письменных, но концептуально устных текстов можно привести большой объем современной частной электронной перепи-

ски. По причинам, на которых мы остановимся позднее, в рамках данной модели мы оперируем субстанциальным понятием.

Официальность и публичный характер коммуникации зачастую подаются как синонимы, хотя на самом деле речь идет о разных факторах. **Официальность** связана с социальными ролями участников коммуникации, и коммуникация обретает официальный характер в том случае, если «хотя бы один из участников коммуникации выступает в качестве представителя определенного социального института», который придает его действиям соответствующий авторитет. **Публичный характер** коммуникации вытекает из количества участников и их взаимоотношений: таким образом, мы говорим о публичной коммуникативной ситуации, когда данный дискурс адресован не одному человеку, а тому или иному количеству людей — известных и неизвестных, присутствующих и не присутствующих в момент его реализации.

Определяющими факторами выбора языковых средств в базовой коммуникативной области бытового общения является устный характер, неподготовленность, неофициальность и непубличность. Таким образом, к области бытового общения относятся, прежде всего, устные, неподготовленные, неофициальные, непубличные или полу-публичные дискурсы, а также дискурсы подобного типа, опосредованные при помощи средств массовой информации, из письменных текстов к этой категории относится частная и в особенности электронная корреспонденция.

Определяющими факторами выбора языковых средств в области реализации высших коммуникативных целей является письменный характер, подготовленность, официальность и публичность. Таким образом, в данную базовую коммуникативную область входит подавляющая часть письменных коммуникаторов, главным образом те, которые относятся к традиционным функциональным стилям: научному, административному, публицистическому; из текстов художественного стиля в эту категорию входит лишь часть. Устные коммуникаты в этой области подготовлены целиком или частично и(ли) строятся на существующих письменных текстах. Неподготовленные устные коммуникаты в данной области довольно редки.

3.2.3. Отношение к языку, обращение с языком и дискурсом

Помимо этого, базовые коммуникативные области также характеризуются тем, каким именно образом в них находит себе применение

языковой менеджмент и как в их рамках обращаются с коммуникаторами. Под языковым менеджментом подразумевается отношение к языку, то есть разные способы и проявления внимания, уделяемого языку. Иными словами, речь идет о метаязыковом поведении. В теории языкового менеджмента различаются два типа метаязыкового поведения — простой (индивидуальный) и организованный менеджмент [Nekvapil 2009].

Простой (индивидуальный) менеджмент осуществляется при соблюдении фазовой последовательности в цикле, состоящем из нескольких фаз, в плоскости последовательности взаимодействий. Различаются следующие фазы: (1) обращение внимания — пользователь языка замечает то или иное явление в своем или чужом дискурсе; (2) оценка — он дает замеченному явлению негативную оценку (то есть характеризует его как отклонение) или позитивную оценку; (3) план исправления; (4) реализация плана исправления, то есть говорящий, например, вносит корректиды в свою формулировку или формулировку партнера. Не всегда имеют место все фазы. Под **организованным менеджментом** подразумевается деятельность лингвистических учреждений, таких как Институт чешского языка в Чешской Республике, а также нелингвистических учреждений, равно как и деятельность таких неформальных сетей, как семья или дискуссионный интернет-форум. Организованный языковой менеджмент, осуществляемый учреждениями, по сути перекрывается с корпусным и статусным языковым планированием — он фокусируется на языковой системе, определяет статус отдельных языков в данном обществе и т. д.

В **бытовом общении** использование языковых средств не регулируется языковедческими и другими учреждениями. Здесь имеет место прежде всего простой языковой менеджмент. Если участники замечают использование какого-либо средства, которое не соответствует ожиданиям кого-нибудь из них, то следующая фаза цикла менеджмента — оценка и возможное исправление средства, которое привлекло их внимание, — происходит не «во имя» кодификации, а в целях понятности, соблюдения приличий и узуза (ограниченного по территориальному и другим признакам). Выражение «так не говорят» и ему подобные, как правило, означают, что так не говорят у нас дома, в нашем регионе, среди членов какой-нибудь субкультуры и т. д. Таким образом, внимание привлекают средства другого диалекта, научные термины, средства высокого стиля. Однако очень часто цикл

языкового менеджмента заканчивается фазой оценки, как правило, негативной.

Область реализации высших коммуникативных целей — это плоскость, в которой находит себе применение прежде всего **организованный институциональный языковой менеджмент**. Существенной отличительной чертой этой области является то, что в ней используется и требуется вариант с высшими коммуникативными функциями, то есть литературный чешский язык. Говорящие отдают себе отчет в том, что этот вариант является предметом стандартизации и что они овладевают им не просто путем подражания, но и посредством обучения. Институциональные формы организованного менеджмента, то есть языковедческая кодификация, регламентирование формы и способа использования антропонимов, топонимов, то есть вообще любая стандартизация языка, свойственны только для области реализации высших коммуникативных целей.

Простой менеджмент в данной области сопряжен с организованным менеджментом: форма и использование какого-либо средства не остаются без внимания, подвергаются оценке и, при случае, исправляются, главным образом, в силу кодификации. Говорящие знают, что использование языка в этих областях каким-то образом регулировано языковедами и что существует авторитетный орган, на который можно сослаться в случае спорных вопросов (кодифицирующие справочники).

3.3. Другие критерии членения языковой ситуации (и языковых средств)

Другими отличиями, имеющими непосредственное отношение к описанию чешской языковой ситуации, а следовательно, к критериям категоризации языковых средств, является письменный и устный характер, территориальное происхождение говорящего, положение средства на оси «высокий — средний — низкий стиль», экспрессивность, временная принадлежность средства и принадлежность средства к определенной социальной сфере. Последним трем указанным критериям соответствуют традиционно используемые в словарях квалифициаторы, по причине чего я не собираюсь останавливаться на них в этой статье более подробно.

3.3.1. Критерий субстанциальной (медиальной) устной и письменной формы

Разница между субстанциальной (медиально) устной и письменной формой не только представляет собой стилеобразующий фактор, влияющий на выбор языковых средств в базовых коммуникативных областях, но также может являться критерием членения языковой ситуации на коммуникативные области письменных и устных коммуникаторов. Более подходящим для данных целей бы был критерий концептуальной устной/письменной формы, потому что, например, почти все лексические средства применимы как в субстанциальной письменных, так и в субстанциальной устных коммуникатах. В качестве сугубо устных или письменных, таким образом, были бы выделены только некоторые фонические и интонационные средства, с одной стороны, и графические — с другой. Напротив, разница между концептуальной устной и письменной формой могла бы являться главным критерием членения чешской языковой ситуации и альтернативой указанному членению на базовые коммуникативные области бытового общения и реализации высших коммуникативных целей. Однако эти членения бы перекрывались: концептуальная устная форма перекрывалась бы с коммуникативной областью бытового общения, а концептуальная письменная форма — с коммуникативной областью с высшей коммуникативной функцией. Мы расцениваем выбранное нами членение как базовое в том числе и потому, что оно связывает коммуникативные сферы с социальными сферами и не отделяет языковое поведение от неязыкового, вследствие чего оно, очевидно, будет ближе интуитивному восприятию самих говорящих. Таким образом, в качестве критерия категоризации языковых средств мы используем разницу между субстанциальной устной и письменной формой. Путем применения этого критерия мы получим лишь сравнительно небольшие группы исключительно устных и исключительно письменных средств. При этом речь пойдет, главным образом, о синтаксических и супрасегментных средствах, поскольку разница между устной и письменной формой проявляется, скорее, на других уровнях языка, например, в синтаксисе.

3.3.2. Территориальное происхождение говорящего

В описании чешской языковой ситуации также важнейшую роль играет разница между узусом в Чехии, с одной стороны, и в Мора-

вии и Силезии — с другой, то есть соответствующее **территориальное происхождение говорящего** (которое, судя по всему, играет более важную роль, чем место, где происходит коммуникативный акт). Разумеется, в чешском языковом узусе существуют и другие отличия, однако только разница между Чехией и Моравией проявляется в том числе в области реализации высших коммуникативных целей, причем как в отношении говорящих к варианту, использование которого предполагается, то есть к литературному языку, так и в отношении реализованного вида данного варианта.

3.3.3. Расположение средств на оси высокого — среднего — низкого стиля

Последний критерий членения средств — их **расположение на оси высокого — среднего — низкого стиля**. В чешской лингвистике не принято работать с подобной классификацией, хотя важным исключением является труд Карела Гаузенблаза 1973 года. В нем автор определяет стилеобразующий фактор, который дифференцирует стили в вертикальной плоскости как, выражаясь простым языком, общественную значимость: «Акты поведения, ситуации и содержание коммуникаторов, в которых (главным образом) используется высокий (высший) стиль, обладают по сравнению с другими большим **весом** (...), однако этот вес не означает только практическую **значимость**, но **важность**, присущую данному виду акции (и коммуникации), место, которое она занимает в культурно-этической иерархии актов, общественный **престиж**».

В обеих базовых коммуникативных областях можно выделить средства высокого, среднего и низкого стиля, но те же самые средства, использованные в разных коммуникативных областях, обладают разным статусом. В коммуникативной области бытового общения в качестве средств высокого стиля используются средства, относящиеся к области реализации высших коммуникативных целей, — те, которые обладают средним (например, *lze*) или высоким статусом (например, *perfidní*). Для области бытового общения важна разница между средним и низким стилем. К средствам низкого стиля, свойственным коммуникативной области бытового общения, относятся грубые (*žrát* в значении *jist* (о человеке)) и вульгарные средства, а также фамильярные средства, при помощи которых в этой области выражается социальная близость (*hod'ka, cinknout*, в современном чешском узусе очень популярны диминутивы типа *krémik, akcička*).

Для области реализации высших коммуникативных целей важна разница между высоким и средним стилем. Примером коммуниката высшего стиля является речь декана на церемонии вручения дипломов, для которой типично использование ряда исключительных средств, а также высокая степень формальности или даже церемониальный характер выступления. Средства высокого стиля традиционно называются книжными или исключительными (*výsostné*). К числу средств среднего стиля в данной области относятся как выражения, которые можно использовать в любой коммуникативной области (в лексиконе языка они называются ядром словарного запаса: *kniha, nebo, voda, čti*), так и средства, используемые только в области реализации высших коммуникативных целей (*lze*), которые в данном случае являются стилистически немаркированными. В качестве средств низкого стиля в этой коммуникативной области используются средства из области бытового общения, например, такие универбаты, как *diplomka* в значении *diplomová práce, textilka* в значении *textilní továrna, baloňák* в значении *balonový plášť* и т. п.

4. Выводы

Путем комбинации критериев, которые я попыталась представить в рамках данной статьи, можно вывести целый ряд категорий членения языковых средств. Некоторые из них, возможно, совершенно пусты, другие не располагают лексическими средствами, но могут содержать, например, синтаксические, интонационные и графические средства. Представленное описание чешской языковой ситуации не освещает некоторые критерии, которые являются традиционными для чешской лингвистики, прежде всего, оно опускает критерий принадлежности средства к таким структурным или структурно обусловленным вариантам, как обиходно-разговорный или разговорный чешский язык. Средства, которые традиционно обозначаются как разговорные (*spacák, když* в значении *jestliže, rozjet* в значении *zahájit činnost*), характеризуются в предлагаемой модели как средства низкого стиля в области реализации высших коммуникативных целей; если они используются в бытовом общении, то они нейтральны и относятся к среднему стилю. Средства обиходно-разговорного чешского языка (*zejtra, vodmítnot, mlíko*) характеризуются комбинацией базовой области — бытовое общение — и территориального происхождения говорящего, то есть как чешские областные. Много лексических

средств, обозначенных в *Толковом словаре чешского языка*, о котором говорилось в начале статьи, как обиходно-разговорные, попадали в категорию бытового общения без территориальных ограничений узуса, поскольку речь идет о нелитературных выражениях с общегосударственным узусом (*fábrika, kšeň, parařít* в значении *uložit trest, špatnou známku*).

Опущение структурных вариантов в предлагаемой модели языковой ситуации несет с собой, на мой взгляд, выгоды и для классификации синтаксических средств. Несмотря на то, что, разумеется, существуют описания синтаксических средств, типичных для определенных диалектов, при попытке описания обиходно-разговорного чешского языка возникла проблема, обозначать ли синтаксические черты, типичные для спонтанных устных (диалогичных) дискурсов, как устные или обиходно-разговорные. В предлагаемой модели синтаксические черты устных дискурсов — эллипсис, имплицитное выражение синтаксических отношений, парагаксис вместо гипотаксиса и т. д. — квалифицировались бы как относящиеся к области бытового общения, а те черты, которые связаны с его линейным характером, градацией во времени, коммуникативной ситуацией «лицом к лицу», такие как повторы, анахорефы, зевмы, чрезмерное использование указательных местоимений, плюс к этому относились бы к области субстанционально (и концептуально) устной речи.

Перевод с чешского языка: Мария Молчан

Примечание редактора

Знакомя читателя с используемой нами концепцией структурирования этнического языка, мы акцентируем, что речь идет о бинарном противопоставлении ареалов «высших коммуникативных функций» и «непринужденного повседневного общения». Данная модель была нами впервые представлена научной общественности не в 1999 г., как это почему-то утверждается, а значительно раньше, 11 декабря 1985 г. Именно тогда по приглашению декана философского факультета университета имени Т. Г. Масарика в Брно проф. Я. Хлоупека мною был сделан доклад на заседании Лингвистического объединения Чехословацкой Академии наук. Излагаемая концепция была поддержана слушателями. Несколькими днями позже, в феврале 1986 г., в Праге был опубликован (eds. Д. Шлосар). текст моего доклада (*Neščímenková G. P.*

K problému diferenciace národního jazyka // Jazykovědné aktuality. Informativní zpravodaj československých jazykovědců. Ročník XXIII, 1986. № 1–2. S. 44–46). В 1988 г. в тематическом сборнике Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г., в числе докладов советской делегации был опубликован и мой доклад «Проблема функциональной дифференциации национального языка в аспекте сопоставительного изучения славянских языков». С. 206–225 (Ред. Н. И. Толстой). М.: Наука, 1988.

В 1992 г. доклад по сходной проблематике мною был сделан на международной конференции в Праге «Дихотомия „письменная — устная речь“ и „монологическая — диалогическая речь“ и их значимость для решения проблемы сопоставительного изучения славянских языков» / Writing vs Speaking: Language, Text, Discourse, Communication. Prague, October 14–16. 1992. Institute for the Czech Language Czechoslovak Academy of Sciences. Этой же проблеме была посвящена и моя статья, вышедшая под тем же названием в Тюбингене, 1994 г. В 1994 г. мною был получен грант Института «Открытое общество» для завершения монографии по названной выше проблематике. В Бюллетене Фонда опубликован развернутый фрагмент заключения монографии, опубликованный в переводе А. Гамми на английский язык 1995 г. в Бюллетене Фонда (*Neshimenko G. (Russia). National Language: An Attempt at Differentiation, (A Comparative Study of Slavonic Languages). Research Support Scheme Network Chronicle. 3. Including 1995 Annual Report. S. 33–34*). За истекшее время мною были опубликованы две новые индивидуальные монографии по данной проблематике (Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков. München: Otto Sagner, 1999 г.; Языковая ситуация в славянских странах. М.: Наука, 2003). В целом на данную концепцию имеется не менее 9 положительных рецензий, опубликованных как в России, так и за рубежом. Я очень благодарна выдающемуся отечественному социолингвисту Л. Б. Никольскому за поддержку концепции моей монографии:

Итак, даже такой сугубо предварительный разговор, связанный с проблемой вербальной трансмиссии культуры в странах Востока на современном этапе их развития, подтверждает, что здесь действуют те же законы и протекают идентичные процессы, раскрытие Г. П. Нешименко в ее новой обобщающей монографии, посвященной анализу

языковой ситуации и ее динамики на материале западноевропейских языков, и в особенности славянских. [Никольский 2000: 202].

Рекомендуя к изданию монографию, Л. Б. Никольский также поддержал и использование бинарной оппозиции «регулируемое — нерегулируемое речевое поведение», оценив ее «как тонко подмеченную лингвистическую универсаль». [Там же].

Литература

- Никольский 2000 — Никольский Л. Б. Трансмиссия культуры и ее лингвистические последствия в афро-азиатских странах // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. С. 191–203.
- Bělič 1959 — Bělič J. Bojujeme za ipevtovbni a lъnshen hovorovъ ielitiny // Иeskъ jazyk a literatura, 10. 1959. S. 433–441.
- Bělič 1964 — Bělič J. Celonárodní slovní zásoba ne plně spisovná a nespisovná // Slovo a slovesnost. R. XXV. Č. 1. 1964. S. 11–26.
- Čmejrková 2011 — Čmejrková S. Mluvení a psaní — konstanty a proměnné mezilidské komunikace // S. Čmejrková, J. Hoffmannová (eds). Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí. Praha, 2011.
- Daneš 1988 — Daneš F. Pojem «spisovného jazyka» v dnešních společenských podmínkách // R. Brabcová, F. Šticha (eds). Dynamika současné češtiny z hlediska lingvistické teorie a školské praxe. Praha, 1988. S. 21–28.
- Findra 1991 — Findra J. Individuálne a sociálne determinanty komunikátu // P. Odaloš, V. Patráš (eds). Všeobecná a špecifické otázky jazykovej komunikácie. Banská Bystrica: Pedagogická fakulta, 1991. S. 53–61.
- Hausenblas 1996 [1973] — Hausenblas K. Komplexní a simplexní styly // K. Hausenblas. Od tvaru k smyslu textu: stylistické reflexe a interpretace. Praha, 1996 [1973]. S. 79–86.
- Havránek 1932 — Havránek B. Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura // B. Havránek, M. Weingart (eds). Spisovná čeština a jazyková kultura. Praha, 1932. S. 32–84.
- Havránek 1934 — Havránek B. Nářečí česká // Československá vlastivěda, díl 3. Jazyk. Praha, 1934. S. 84–218.
- Havránek 1942 — Havránek B. K funkčnímu rozvrstvení spisovného jazyka // Časopis pro moderní filologii. 28. 1942. S. 409–416.

- Havránek 1960–1971 — Havránek B. (ed.). Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1960–1971. Dostupné online na adrese: <http://ssjc.ujc.cas.cz/>.
- Homoláč, Mrázková 2014 — Homoláč J., Mrázková K. K stylistickému hodnocení jazykových prostředků, zvláště lexikálních // Slovo a slovesnost. 75. 2014. S. 3–38.
- Chloupek 1985 — Chloupek J. Dichotomie spisovnosti a nespisovnosti. Brno, 1985.
- Jedlička 1978 — Jedlička A. Spisovný jazyk v současné komunikaci. Praha, 1978.
- Krčmová 2002 — Krčmová M. Obecná čeština // P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová (eds). Encyklopédický slovník češtiny. Brno, 2002.
- Machová 2010 — Machová S. Obecná čeština a její syntax // S. Čmejrková, J. Hoffmannová (eds). Užívání a prožívání jazyka. Praha, 2010. S. 233–237.
- Mareš 2003 — Mareš P. Spisovnost a nespisovnost, formálnost a neformálnost // Přednášky z XLVI. běhu Letní školy slovanských studií. Praha, 2003. S. 99–108.
- Mrázková 2013 — Mrázková K. Obecná čeština v SSJČ a v lingvistické bohemistice obecně. Jazykovědné aktuality. 50 (3–4). 2013. S. 148–153.
- Müllerová 1994 — Müllerová O. Mluvený text a jeho syntaktická výstavba. Praha, 1994.
- Nekvapil 2009 — Nekvapil J. The integrative potential of Language management theory // J. Nekvapil, T. Sherman (eds). Language Management in Contact Situations: Perspectives from Three Continents. Frankfurt am Main, 2009. S. 1–11.
- Neščimenko 1999 — Neščimenko G. P. Etničeskij jazyk. München, 1999.
- Sgall 1960 — Sgall P. Obichodno-razgovornyj českij jazyk // Voprosy jazykoznanija. 9. Č. 2. 1960. S. 11–20.
- Sherman 2009 — Sherman T. Managing hegemony: Native English speakers in the Czech Republic // J. Nekvapil, T. Sherman (eds). Language Management in Contact Situations: Perspectives from Three Continents. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2009. S. 75–96.
- Šipková 1993 — Šipková M. Skladba věty v mluvených projevech (Syntax hanáckých nářečí). 1993. Jinočany: H+H.